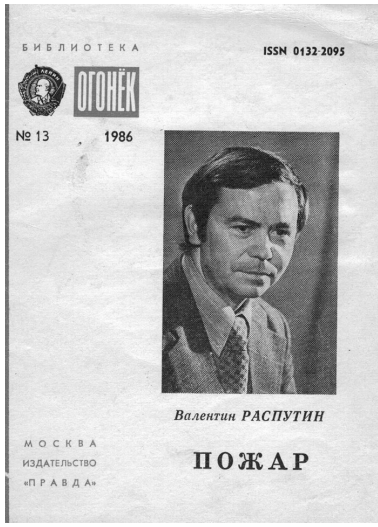
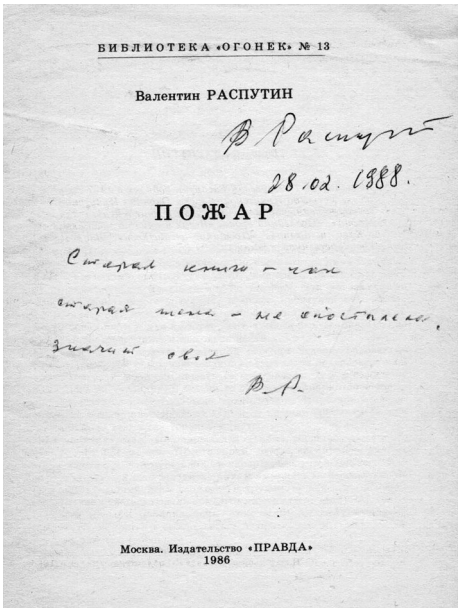
«С радостью жить-быть рядом...»



В моей библиотеке более тысячи книг с автографами авторов. Книги с автографами представляют особый интерес, оттого что появлялись они в разных жизненных обстоятельствах и в разное время, начиная с первых лет моей творческой биографии. Среди многочисленных писателей и немногочисленных артистов, оставивших свои автографы-пожелания, автографы-размышления и даже автографы-стихи большое число самых досточтимых, самых талантливых и самых известных имён: Виктор Астафьев, Василий Белов, Игорь Шафаревич, Александр Вампилов, Валентин Распутин, Савва Ямщиков, Виктор Лихоносов, Леонид Бородин, Владимир Соколов, Юрий Кузнецов, Николай Дмитриев, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Андрей Битов, Николай Старшинов, Сергей Смирнов («Брестская крепость»), Василий Лановой, Станислав Говорухин, Юрий Назаров, кинооператор Анатолий Заболоцкий, Станислав Куняев, Владимир Костров, Сергей Куняев, Владимир Личутин, Александр Солженицын, Александр Проханов, Захар Прилепин, Владимир Бондаренко, Валентин Курбатов, Аркадий Елфимов, Леонид Кокоулин, Виктор Потанин, Валерий Ганичев, Георгий Куницын, Гарий Немченко, Юрий Поляков, Пётр Краснов, Алесь Адамович, Андрей Битов, Александр Сегень, Александр Бобров, Лев Котюков, Алексей Варламов, Григорий Калюжный, Андрей Воронцов, Юрий Беличенко, Ольга Ермолаева, Татьяна Бек, Александр Казинцев, Вячеслав Лютый, Юрий Перминов, Игорь Тюленев, Геннадий Красников, Владимир Шемшученко, Андрей Ребров, Николай Рачков, Юрий Павлов, Николай Тарасов (остров Сахалин), Мария Аввакумова, Светлана Сырнева, Надежда Мирошниченко, Нина Карташова, Валентина Ефимовская, Олеся Николаева, Виктория Токарева.

Хотя со времён перестройки с некоторыми из упомянутых авторов мы оказались по разные стороны баррикад, тем не менее книги и автографы на них остаются, став сегодня историческими документами, прямыми свидетельствами того давнего, не испоганенного ложью, дружественного времени, за которым — увы! — последует расслоение общества и уничтожение великой державы. Здесь большое количество книг, подаренных лично авторами, а также купленных мною в магазинах Иркутска и Москвы, приобретённых в командировках на БАМе и в Братске, Усть-Илимске и Тулуне. А вообще-то моя библиотека начиналась в родной деревне, в посёлке Лермонтовском, когда я на первую зарплату деревенского учителя купил в родном посёлке Харик сразу несколько собраний сочинений, и мы с братом Анатолием везли эти книги на двух велосипедах по 25-километровой дороге от Харика до Лермонтово. Тогда я купил восьмитомник Блока, собрания сочинений Бунина, Куприна, Есенина, Эмиля Золя, Джека Лондона, один из ранних сборников Евгения Евтушенко «Стихи разных лет», который я впоследствии подарил другу Евтушенко журналисту Виталию Комину. Шёл 1964 год.


БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Валентин РАСПУТИН

28.02.1988.

ПОЖАР

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Впереди в моей судьбе будет служба в военно-морском флоте, откуда я привезу восемь чемоданов книг, купленных мною в книжном магазине, расположенном на территории воинской части, и оставленных на два года в Романовском доме офицеров в дни моей демобилизации. Через два года после службы я специально полетел во Владивосток, добрался до посёлка Романовка, где базировался наш авиационный полк, и потом из Владивостока на грузопочтовом поезде я перевёз эти книги в Иркутск. Как ни странно, они все сохранились, и я был чрезвычайно благодарен директору Дома офицеров майору Шарыгину, сохранившему это немалое количество книг.

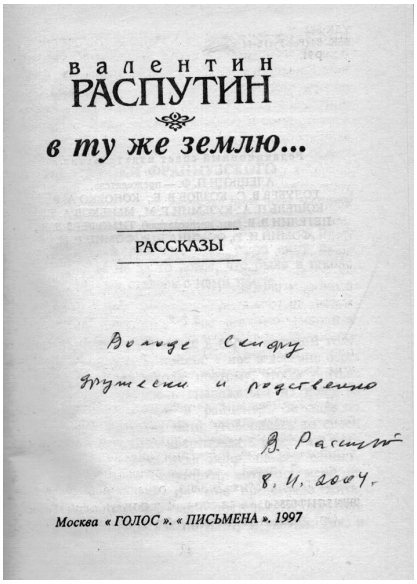
Библиотека моя вырастет особенно в те годы, когда книга оказалась в непостижимом дефиците, тиражи печатались огромные, но книг не хватало, весь народ, вся страна читала запоем. В те давние годы почти у каждого россиянина имелась своя, пусть и небольшая библиотека. С 1983 по 1988 год я работал старшим инспектором Иркутского облкниготорга, и как раз в эти годы я смог собрать самую многочисленную и лучшую часть своей библиотеки.

В 1970 году у меня вышел в свет первый поэтический сборник — «Зимняя мозаика», и тогда же у начинающего поэта Володи Смирнова появились старшие друзья-писатели, поэты и прозаики: Василий Стародумов, Денис Цветков, Пётр Реутский, Михаил Трофимов, Анатолий Горбунов, Альберт Гурулёв, Леонид Огневский, Павел Забелин, Станислав Китайский, Валентин Распутин. Боже, как мы были молоды! Бесконечно ездили в творческие командировки по всей Иркутской области. Сибирские читатели, зрители встречали нас с восторгом и большим почитанием. Это было великое время, великая страна, великие писатели, эпохальные события, совершенно неповторимые наши поездки, например, по реке Лене до Якутска и обратно, грандиозные выступления на всевозможных площадках, начиная с Братскгэсстроя до Тулунского педагогического училища, от Красноярского тракторного завода до средней школы в селе Едогон Иркутской области, от московского магазина «Поэзия» до детского садика в городе Ангарске. С нами рядом в родном Иркутске и вправду жили-были, издавали свои выдающиеся произведения действительно великие писатели: Константин Седых и Алексей Зверев, Александр Вампилов и Валентин Распутин, Геннадий Машкин и Глеб Пакулов.

С тех давних пор у меня стали появляться книги с автографами самых дорогих моему сердцу и уважаемых писателей. Одними из первых книг стали книги Валентина Распутина. Тогда мы с ним ещё не породнились, я был Смирновым, а не Скифом, хотя однофамильцы потихоньку начинали меня терзать, занятные истории, связанные с моей фамилией, уже происходили и порою шокировали не только меня самого, но и моих друзей, о чём я написал в юмористической книге «Писатели улыбаются» и думаю, что напишу ещё.

Полагаю, что автографы Распутина, не только для меня, но и для любого другого человека всегда были интересны, искромётны и по большей части — неожиданны.

Знаю некоторых писателей, которые подписывают свои книги одной и той же фразой: «На память и с пожеланием удач». Автограф-амёба. Автографы Распутина, даже короткие, всегда блистательны, содержательны, с какой-то едва приметной, светящейся распутинской улыбкой. В 1968 году я демобилизовался из армии, и у меня



ещё не было авторских книг, впереди они шибко и не просматривались, но Валентин Григорьевич уже тогда озадачил меня в своём автографе. Вот он — первый автограф, на книге «Человек с этого света. Рассказы» *(Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1967, 120 стр.)*:

«Володе Смирнову взаймы за свою. В. Распутин. 17. IV — 68». Кроме этого автографа у меня хранятся ещё две такие же книги, подаренные другим людям: нашей общей с Валентином тёще Виктории Станиславовне Молчановой и тогда ещё молодому фотожурналисту Виталию Белоколодову:

«Виктории Станиславне (именно так, видимо, для краткости. — В.С.) на сон грядущий. 25. IV — 67. В. Распутин».

«Виталию в странный день книжного базара. Искренне В. Распутин. 5 / V — 68».

Эту книгу Виталий принёс в мою копилку распутинских книг, скорей всего, для его будущего музея.

В аннотации к третьей книге Распутина сказано: «В книгу «Человек с этого света» вошли лучшие рассказы В. Распутина, написанные им в последнее время. Это рассказы о мальчишках, только-только начинающих жить, и о стариках, проживших жизнь долгую и нелёгкую. Но все рассказы **объединяет одно** — (выделено не мной. — *В.С.*) обострённое и пристальное внимание к человеку и его судьбе, «крупный план» человеческих поступков и переживаний».

Кстати, Распутин включил в данный сборник 12 рассказов, но лучшими, всё-таки, по мнению самого Валентина, оказались всего два рассказа, но каких рассказа! Это были «Василий и Василиса» и «Продаётся медвежья шкура». По ним впоследствии были сняты два замечательных кинофильма.

В 1970 году я, наконец-то, отдарился Вале своей малюсенькой книжицей, вышедшей в серии «Бригада», и тут же получил в подарок от него выдающуюся повесть «Последний срок» *(Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970, 248 стр.)* со следующим автографом: *«Володе Смирнову с надеждой, что очень скоро он отплатит мне ещё одной книжкой. 21. III — 72. В. Распутин».*

В 1974 году я взял псевдоним и стал печататься под другим именем. Мимо Распутина этот факт не проскочил, и уже следующая книга, повесть «Живи и помни» *(М.: Современник, 1975, 272 стр.),* за которую он получил первую Государственную премию, была подписана мне в апреле 1976 года. *«Володе Смирнову, а также Скифу, с самыми дружескими чувствами. В. Распутин. апрель 76».*

А в июне того же года в Москве, благодаря Валентину Григорьевичу, я попал на шестой съезд Союза писателей СССР, и на второй день съезда пришёл к нему в гостиницу «Россия». Валя был не в лучшем физическом состоянии. Ещё в Иркутске ему позвонили из Москвы и дали разрешение выступить на съезде. Распутин написал сильную, отчаянно-смелую по тем временам речь, но партийные кураторы речь запретили, и Валя пытался заглушить обиду спиртным. Наутро ему было так плохо, что мне пришлось вызвать «Скорую». Когда я пришёл к нему в номер, друзей-писателей рядом не оказалось, и Валя сам ничего не мог сделать. «Скорая» появилась почти мгновенно. Я находился рядом, и врач сделал всё возможное, чтобы улучшить Валино состояние. Три часа врач не уезжал, и когда Распутину полегчало, он решил отблагодарить доктора и сказал мне:

— Володя, вон из той коробки достань книгу…

Я подал книгу «Живи и помни», и Распутин подписал её врачу.

Врач, уходя из номера, подошёл поближе к своему знаменитому пациенту и сказал:

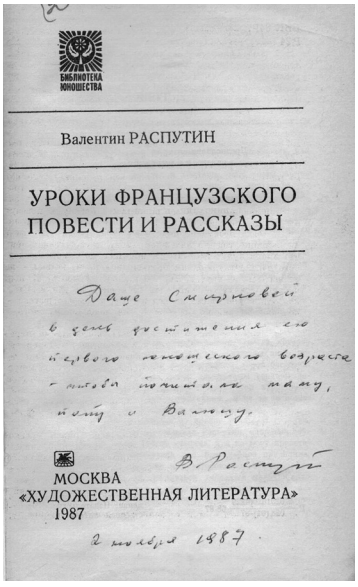
— Валентин Григорьевич, хочу вас убедить в одном — кроме вас вам никто не поможет. *Живите и помните!*

И, наклонив голову, распрощался.

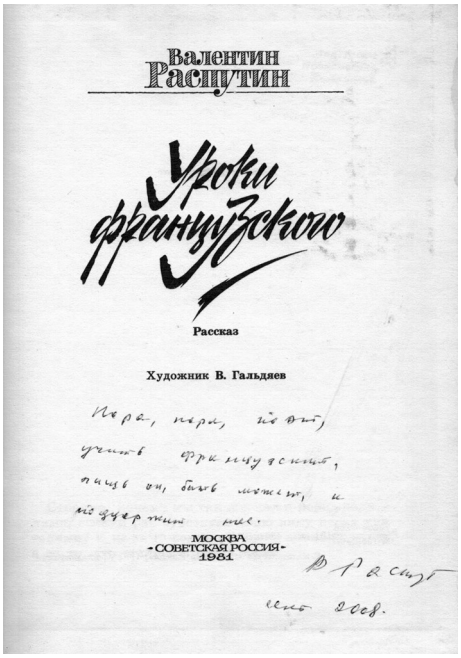
Следующий автограф на книге, которую Распутин назвал «Вниз и вверх по течению», достался не мне, а моей будущей тёще Виктории Станиславовне. Но тогда я ещё не был женат на Евгении Молчановой — сестре жены Распутина, это произошло в 1976 году, а книга вышла в 1972-м, автограф поставлен в 1973-м. До моей женитьбы оставалось ещё три года, но я об этом ещё ничего не знал… В книгу вошли две повести «Последний срок», «Деньги для Марии» и очерк одной поездки, давший название книге. Первые две повести были восторженно приняты критикой и читателями, но Валентин Григорьевич уже высматривал в себе следующую повесть, горькую, выстраданную и в полной мере выдающуюся, — это «Прощание с Матёрой». А очерк «Вниз и вверх по течению» был этаким предвестием будущей знаменитой повести. Кстати, я до затопления ложа Усть-Илимского водохранилища жил целый месяц в Нижнеилимске, разгуливал по будущему дну Усть-Илимского моря, наблюдал снос погостов и по приезду в Иркутск рассказал о своих впечатлениях Валентину Григорьевичу. Он очень заинтересованно выспрашивал меня обо всём, что я видел и какие картины наблюдал. Итак, «Вниз и вверх по течению» *(М.: Советская Россия, 1972, 304 стр.) «Виктории Станиславне от души свою последнюю книжку. 8. III — 73 г. В. Распутин».* Понятно, что это была не последняя книжка, как таковая, а последняя из вновь изданных на то время.

На книге, изданной в Болгарии, Распутин посвятил своей тёще ещё один автограф: *«Виктории Станиславне для изучения языков. Апрель 76. В. Распутин».*

Валя с великой любовью относился к своим родным детям — Серёже и Марусе, но также нежно относился к племянникам, коими были наши с Евгенией Ивановной дети, ну и, конечно же, сын брата Гены — Юрий и дети сестры Аги (Альбины) — Катя и Юра. Наша средняя дочь Даша родилась в ноябре 1977 года, а через год, именно в ноябре, Валя подарил ей в День рождения книгу «Повести: Прощание с Матёрой. Живи и помни. Последний срок. Деньги для Марии» со следующим автографом: *«Дарье в день рождения (самый первый) от дяди Вали в полное самостоятельное пользование. В. Распутин. 2 ноября. 1978».* Это был первый, неожиданно объёмистый том, вышедший у сравнительно молодого автора *(М.: Молодая гвардия, 1978, 656 стр.)*.



В 1981 году в издательстве «Советская Россия» у Валентина Григорьевича вышло красивое переиздание книги «Уроки французского», с великолепными иллюстрациями художника Петра Семёновича Сацкого, кстати, моего одногодка, родившегося, как и я, в 1945 году. Иллюстрации были такие живые, что напоминали кинокадры из одноимённого фильма режиссёра Евгения Ташкова. И в то же время отличались некоей угловатостью, что свойственно характеру угловатого, стеснительного, но невиданно смышлёного героя раннего распутинского рассказа. Книга-то 1981 года, а автограф на ней появился через семнадцать лет, написанный с какой-то внутренней ритми-



кой, почти стихами*: «Пора, пора, поэт, учить французский, лишь он, быть может, и поддержит нас. В. Распутин. сент. 2008».* Напомню, что рассказ «Уроки французского» посвящён маме выдающегося русского драматурга Вампилова — Анастасии Прокопьевне Копыловой.

1986 год. Начало перестройки. Пустые разговоры Горбачёва о демократии и гласности, о великих переменах в экономике, в жизни страны и общества. Появляются знаменитые провидческие произведения Василия Белова «Всё впереди», Виктора Астафьева «Печальный детектив», но самой пророческой и первой в этом ряду была повесть Валентина Распутина «Пожар», где великий писатель во всю мощь своего неудержимого слова бил в набат, предупреждая всех без исключения россиян о грядущих страшных переменах. Повесть больно ударила многих — и друзей Распутина, которые услышали этот набат, сопереживали вместе с автором «Пожара», и его оппонентов, визжавших:

— Публицистика! Где художник Распутин!

Но он был прав своей космической мудростью и своей земной всепобеждающей правдой. Всё сбылось, что он предвидел, даже в тысячу раз явственнее и страшнее, чем предполагал «вперёдсмотрящий» Распутин. Об этом в 2007 году у меня появились стихи:

Валентину Распутину

Мы все, наверно, понимали,
Придут разор и чёрный дым.
Но ты грядущие печали
Постиг пророчеством своим.

Горели судьбы и скрижали,
Был воздух Родины тяжёл.
Мы оказались на пожаре,
Куда ты раньше нас пришёл.

Какая творческая сила
Тебя над миром вознесла!
Сама земля, сама Россия
Тебе свой голос отдала.

Ты посреди родных околиц
К живому Слову прирастал.
Теперь там светит колокольня,
И Храм, который ты создал.

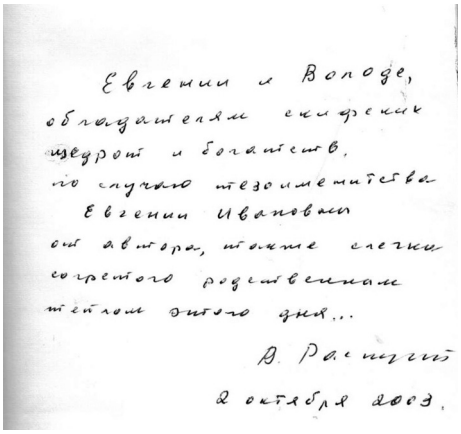
Под ним — нетленная Матёра,
И — Китежа большая тень,
И — вся Россия, о которой
Душою страждешь каждый день.

О, как спасти родных и близких,
Деревья, травы — от беды?
Непокорённый царский лиственъ
К тебе рванётся из воды.

Вдруг оживут луга и долы,
Сойдут святители с небес.
Взметнётся радуга у школы,
Заговорит убитый лес.

Быть может, это вправду будет,
И обновлённый мир вздохнёт?!
Нам, грешным, Валентин Распутин —
Матёру — каждому вернёт…

Книга вышла в 1986 году, а автограф на моём экземпляре появился в 1988-м, где уже не за горами маячили «лихие» девяностые: *«В. Распутин. 28. 02. 1988. Старая*


Евгении и Володе,
обладателям скифских
недр и богатств,
по случаю тезоименитства
Евгении Ивановны
от автора, тоже слегка
скифского родственника
теплом этого дня...
В. Распутин
2 октября 2003.

книга — как старая жена — не опостылела, значит своя. В. Р.» (М.: Правда, 1986, 64 стр.)

В этом же году выходит первый «Биобиблиографический указатель» по творчеству Распутина, в котором, конечно же, собрана малая толика того, что появится во втором указателе, опубликованном издательством Сапронова в 2007 году, где художником-оформителем, к слову, стала моя внучка Маша Николаева. Достойное пополнение в справочный отдел моей библиотеки! Вот и автограф Распутина это подтверждает: *«Володе Скифу в его справочную библиотеку для разбавления серьёзных указателей. В. Распутин. сент. 1986» (Иркутск: Иркутская областная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского. Библиографический отдел, 1986, 192 стр.)*. В это первое издание я вклеил рецензию на данный указатель под названием «Энциклопедия жизни» кандидата филологических наук Елены Слабковской и анонс самого Распутина на выход книги «Сибирь, Сибирь…», напечатанный во втором выпуске бюллетеня ВААП «Книга и искусство в СССР»: *«Русская литература всегда, во все времена, прежде всего, отзывалась на потребности Отечества. Сегодня, как никогда остро, стоит вопрос о бережливом, рачительном отношении к природе. У каждого свой участок на общем литературном поле, на котором писатель может принести наибольшую пользу. Сейчас я работаю над публицистической книгой о заповедной Сибири. Её составят очерки о природе Байкала, Горного Алтая, Якутии, о старых сибирских городах, таких, как Томск, Тобольск, Иркутск, размышления о памятниках истории и культуры. Условное название книги «Сибирь, Сибирь…». Планирует её к выпуску издательство «Молодая гвардия» в серии «Отечество».*

Книга «Сибирь, Сибирь…» будет переиздаваться много раз, но это начальное издание самое дорогое для меня, поскольку явилось беспримерным открытием многозначного, полнозвучного сибирского мира, его старины и удивительной культуры, как русского, так и других народов, издревле населяющих Сибирь. Да и автограф Распутина бесценен и дорог для меня и моей семьи: *«Всем Скифам — большим и маленьким, — только с большой и самой большой родственностью. В. Распутин. март 1992» (М.: Молодая гвардия, 1991, 304 стр.)*

Удивительное дело, но Распутин даже в автографах относится к себе критически, не говоря о первых книгах, где он строжит меня, что я собираю все его книги, как «свидетельские показания», но даже в книге «Что в слове, что за словом?», которую я читал с великим наслаждением, копаясь во многих распутинских фразах, изучая их построение, поэтику и философию, пытаясь раскусить загадку их происхождения и неистребимого сияния мысли. Даже в этой книге он видит, казалось бы, невидимое, то, что его уже не удовлетворяет на новом этапе его мыслительного взлёта и одному ему присущего словотворчества: *«Володе Скифу. Что написано пером — не вырубишь топором, а кое-что в этой книжке хотелось бы вырубить. Ну да, пускай живёт. В. Распутин. 8. 11. 2004.» (Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987, 336 стр.)*.

Выше я уже приводил автограф, адресованный моей годовалой дочери Даше, на книге, изданной в 1976 *(автограф 1978 года. — В. С.)* издательством «Молодая гвардия», где были впервые опубликованы все вместе четыре повести Распутина, принесшие ему заслуженную, невероятную славу. Появилась такая книга и у меня, но с промежутком в 28 лет: *«Володе Скифу издалека-далёко отыскавшуюся книжку ис-*

кренне, с надеждой и верой, что сыщутся и ещё… В. Распутин. 8. 11. 2004» (М.: Молодая гвардия, 1976, 656 стр.).

А вот подоспели и «свидетельские показания», где на книге «Костровые новых городов» Распутин полусерьёзно, полусмешливо пытается внушить, наверно, и себе и мне, что он далеко ушёл от своих первых книг, первых литературных проб, которые не приносят сегодня ему должной радости, а только критический взгляд на свои прошлые опыты: *«Скифу! За такие книги авторов пороть надо, а ты всё собираешь, как свидетельские показания. Сент. 2008. В. Распутин». (Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1966, 100 стр.).* Ну, что же!? Возможно, это истинная правда, но книги живы, более того, они являются историческими фактами становления и развития великого писателя, это неоспоримая метаморфоза Валентина Распутина, распростёршего над нами свой духовный космос, своё никем недостижимое СЛОВО.

Валя, Валентин или Валюша, как все мы — от детей до взрослых — называли его в семье, очень много дарил книг именно детям и особенно в дни рождения. Когда Даше исполнилось десять лет, он подарил ей книгу «Уроки французского» с предисловием Валентина Курбатова в серии «Библиотека юношества», куда включил повести «Живи и помни», «Прощание с Матёрой» и самые удивительные, близкие к отроческому и юношескому возрасту рассказы «Рудольфио», «Уроки французского», «Век живи — век люби», «Что передать вороне»: *«Даше Смирновой в день достижения ею первого юношеского возраста — чтобы почитала маму, папу и Валюшу. В. Распутин. 2 ноября 1987» (М.: Худ. лит. 1987, 480 стр.).*

Явно детских книг у Распутина не было, но издательство «Малыш» и «Детская литература» выпускали ярко иллюстрированные его книги для самых маленьких, выбирая из его «взрослых» произведений лирические, трогательные куски о природе, об Ангаре, о сибирской тайге. Одна из таких книг — «В тайге над Байкалом» была подарена моей младшей дочери Саше, которой на тот момент исполнилось шесть лет, тем более что она с шести лет пошла в школу: *«Александре Смирновой в день вступления в октябрята — наконец-то мировая революция победит! В. Распутин. 2 ноября 1987». (М.: Малыш, 1987, 32 стр.).*

Не забывал Валюша и любимую тёщу Викторию Станиславовну, от которой, по всей вероятности, и пошло это уменьшительно-ласкательное Валюша. Иронически-нежное отношение со стороны зятя и восторженно-умилительное, с пиететом и поклонением — со стороны тёщи воспринималось всеми нами как само собой разумеющееся, потому что Валя очень ценил Викторию Станиславовну за её живой ум, за неподдельный восторг, детскую непосредственность и душевную, безграничную влюблённость в русскую литературу. Он подшучивал над тёщей, бывало, даже разыгрывал её, но старался не обидеть, а с радостным, благородным чувством быть с ней на равных. Вот как он подписал ей книгу «Что передать вороне?» на её 85-летие: *«Жил-был зять… И была у него одна тёща (а посмотрите-ка, сколько теперь у зятьёв бывает тёщ!!). И этот зять дарит своей единственной тёще в день её юбилея десятую её — юбилейную книгу не в последний раз. Итак — Виктории Станиславовне, любимой тёще, от зятя Валюши. В. Распутин. 14 апреля 1996»* (*Курган: Зауралье, 1995, 512 стр.).*

Великое потрясение я испытал, прочитав книгу «В ту же землю». Во-первых, сам рассказ, давший название книге, заставил давиться от горечи за русскую женщину, за эту смертельную, навалившуюся на русского человека безысходность. Я зримо видел героиню рассказа Пашу, Пашуту и, как будто черту собственной жизни, воспринял её жизненную черту, за которой смысл жизни потерян и нет никого и ничего на свете, чтобы изменило эту гадкую, растерзавшую и страну, и человека жизнь. Позже я испытал подобное после прочтения рассказа «Нежданно-негаданно», который выстудил меня до озноба, вышиб из сердца самые горчайшие слёзы. Не проходящая душевная боль не покидала меня на протяжении суток. Хотелось, как Сене Познякову, выть и причитать, представляя отобранную у него и его жены девочку:

— Катя! Катя! Катя!

Автограф на книге «В ту же землю» гласил: *«Володе Скифу дружески и родственно. В. Распутин. 8. 11. 2004» (М.: Голос: Письмена, 1997, 432 стр.)*.

В июле 2001 года отмечалось 100-летие великой Транссибирской магистрали. Сто лет назад царь Александр III подписал на имя своего сына Николая рескрипт: «Ваше императорское высочество! Повелев ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дарами природы Сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений, Я поручаю Вам объявить такую волю мою… Вместе с тем полагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки разрешенного к сооружению за счет казны… Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути…» Цесаревич Николай отвез к месту насыпи под будущую рельсовую колею тачку с грунтом…

В дни празднования столетия дороги Распутина пригласили в поездку с писательской делегацией, *которую возглавлял Валерий Ганичев. К юбилею приурочили выпуск великолепного двухтомника Валентина Распутина, изданного в Калининграде. «*Об одном издании, приуроченном к этой уникальной поездке, надо сказать особо, — пишет в газете «День литературы» первый секретарь Правления Союза писателей России Геннадий Иванов, — двухтомник сочинений Валентина Распутина — красивое подарочное издание с золотым обрезом, в коже. Двухтомник вышел не без доброго участия МПС. Закопёрщик издания — Игорь Трофимович Янин, его фонд культурных инициатив «Взаимодействие». Этот двухтомник вручался на митингах руководителям МПС и дорог, известным или, как раньше говорили, знатным железнодорожникам, писателям на встречах в областных и краевых писательских организациях. И скажу, что везде в Сибири и на Дальнем Востоке этот подарок воспринимался всеми без исключения как желанный и уместный. Распутин и Сибирь — это навсегда».

Автограф на двухтомнике адресован нам с женой и подписан в её день рождения: *«Евгении и Володе, обладателям скифских щедрот и богатств, по случаю тезоименитства Евгении Ивановны от автора, также слегка согретого родственным теплом этого дня… В. Распутин. 2 октября 2003» (Калининград: Янтарный сказ, 2001, 672 стр.)*.

В 2004 году в издательстве Сапронова выходит нашумевшая книга Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», в которую, как волкодавы, вцепились все эти быковы, симененки и прочие либерало-демократы. Дмитрий Быков в журнале «Огонёк» додумался до издевательски-просторечного названия своей статьи «Снасильничали», иронизируя и принижая трагический сюжет произведения, на что ему довольно резко ответила критик Капитолина Кокшенёва: *«Проворно лавируя на журналистском поле, Дм. Быков додумался до того, что «сквозная тема изнасилования» «кроваво-красной нитью проходит через почвенную литературу последнего десятилетия. Город растлил, кавказцы снасильничали, плохие мальчишки до плохого довели… Да как же это? Да что же это вас, сердешных, все время насилуют? Так ли вы красивы, умны, во всех отношениях совершенны, чтобы это с вами постоянно происходило? Может,*

не только китайцы да кавказцы, но и вы сами себя маленько… а? Был у меня спор со многими русофилами на эту тему, и всегда они говорят про насилие. Но если вас все насилуют — в диапазоне от Маркса до кавказцев, может, вы как-нибудь не так лежите? К тому же у кавказцев, насколько я знаю, ровно противоположное мнение насчет того, кто кого насилует, и мнение это подтверждается как хроникой кавказских войн, так и историей последних московских погромов. Так, может, образ страдающей изнасилованной кроткотерпицы страдает некоей как бы односторонностью… ась?» Оставим без внимания все эти «ась» и «маленько», как и скучный, бездарный ернический тон г-на Быкова. Любопытно другое — чуть выше в этой же статье он признавался, что всю жизнь читает Распутина «с чувством уважения и родства». Но коль скоро речь зашла о «почве», тут же аккуратный критик предпочел безопасную дистанцию от «них», русских, которые должны усомниться в своем уме, в своей истории, в своем положении («не так лежим»). Впору задать вопрос: быть может, это вы так косоглазо смотрите? Быть может, это вам «Русь не дает ответа», поскольку вам нечем этот ответ слышать и воспринимать?..»

Автограф Распутина на книге «Дочь Ивана, мать Ивана: *«Володе Скифу на добрую память о тех временах, когда мы жили-дружили (и даже были в родственных связях) — и ещё поживём. В. Распутин. 16. 11. 2005» (М.: Эксмо, 2005, 640 стр.)*.

С 1993 года известный всей России журналист Виктор Кожемяко стал брать интервью у Валентина Распутина. Постепенно эти интервью превратились в диалоги о России, где два неустанных гражданина России говорили о жизни народа и страны, подводя итоги минувших лет и происходивших в них событий. Первая книга диалогов вышла в 2006 году, вторая, «Боль души», — в 2007-м, а третья, «Эти 20 убийственных лет», — в 2011-м. Первую книгу мне подписал вначале Виктор Стефанович Кожемяко, а затем сделал свою приписку Распутин: *«Эту очень дорогую для меня книжечку — Евгении Ивановне и Владимиру Петровичу сердечно. Виктор Кожемяко. 18–I–2007 г. Надеюсь Валентин Григорьевич присоединится. И для меня тоже — В. Распутин»*. Валентин Распутин, Виктор Кожемяко «Последний срок: диалоги о России». 1993–2003. Трудные времена глазами писателя и журналиста» *(М.: Воскресенье, 2006, 160 стр.)*.

На второй книге «Виктор Кожемяко, Валентин Распутин «Боль души» *(М.: Алгоритм, 2007, 288 стр.)* автограф оставил только Распутин, поскольку на этот раз собеседники были не рядом: *«Володе Скифу в дополнение его поредевшей библиотеки, так что пусть всегда она будет во весь дом. В. Распутин. 9 июня 07»*. Почему «поредевшей», как написал Валентин Григорьевич? Всё очень просто: часть моей библиотеки с помощью директора «Саянского химпласта» Виктора Кузьмича Круглова переехала в посёлок Залари, где сгорела местная библиотека.

Следующий автограф на книге «Валентин Распутин. Эти 20 убийственных лет. Беседы с Виктором Кожемяко» *(М.: Алгоритм: Эксмо, 2011, 736 стр.)* снова выражал заботу Распутина о моей библиотеке: *«Володе Скифу — да будет вместе с этой 20 тысяч книг. В. Распутин. 24 окт. 2012»*.

В 2007 году издатель Сапронов выпускает собрание сочинений Распутина в 4 томах, где на первом томе этого подарочного издания поставлен очень характерный для Распутина автограф: *«Скифу и Евгении от непокорного, но искреннего родственника. Да будет мир и благополучие в вашей — нашей семье всегда и везде. В. Распутин. 20. 10. 07» (Иркутск: Издатель Сапронов, 2007, 672 стр.)*

Мне осталось привести ещё три автографа на самых крупных по объёму книгах «Сибирь, Сибирь…» и «Земля у Байкала», изданных одним из лучших издателей страны Геннадием Сапроновым. В 2008 году на презентации книги «Земля у Байкала» ещё в старом здании Иркутской областной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского *(бывший Дом политпросвещения на ул. Российской)* Распутин, держа в руках увесистый том, сокрушался:

— Как же держать такую тяжесть? Как читать этот кирпич?

Две другие подобные книги вышли ещё раньше — в 2006-м и 2007-м годах. Это были два переиздания книги распутинских путешествий по городам и весям Сибири, где сияли Иркутск и Байкал, Русское Устье и Томск, Кяхта и Алтай. Он радовался выходу в свет этих многостраничных фолиантов, и тем не менее на издании «Сибирь, Сибирь…» 2006 года написал: *«Скифам — и для чтения в свободные минуты, и для защиты от серьёзных нападений. В. Распутин. ноябрь 2007» (Иркутск: Издатель Сапронов, 2006, 576 стр.)*.

И ещё был один том «Сибири…», подаренный в 2008 году лично Евгении Ивановне на её 50-летний юбилей, где любимый Валюша расщедрился даже на стихи: *«Евгении Ивановне, рождённой 50 лет назад на благо родных и близких. Сему и радуемся, этой надеждой и живём. В. Распутин.*

Вот дал Господь ей положение,
Со всех сторон видна, красна,
А всё от чтенья, от волнения,
А всё от книжного вина.

В. Распутин. 2 октября 2008 г.»

А в 2009 году снова в день рождения Женечки фолиант «Земля у Байкала» он дарит мне с непременным подчёркиванием нашего родства: *«Володе Скифу в день рождения его жены, на долгое неизменное (по части жён) родство. В. Распутин. 2 октября 2009 г.» (Иркутск: Издатель Сапронов, 2008, 416 стр.)*.

И вот последний автограф, слова из которого я взял в название этих воспоминаний. В 2012 году Сапронов издал книгу Распутина «Прощание с Матёрой», и Распутин в сентябре, в дни праздника русской духовности и культуры «Сияние России», перед своим отъездом в Москву, в автографе вновь обращается к Молчановой Евгении Ивановне: *«Евгении Ивановне с радостью жить — быть с нею вместе и рядом. 24 сент. 2012. В. Распутин» (Иркутск: Издатель Сапронов, 2012, 208 стр.)*.

Владимир СКИФ